

Елена АНТИПОВА

ЧЕТВЕРТЫЙ

Р а с с к а з

Болит, собака. Господи, прости.

Так это токает пол-ладони, даже ночью: ток-ток. Просыпаюсь, вроде как до ветру. Маринка тут же подрывается: «Отец, ты куда?» «Отец-отец», и ни разу за всю жизнь «папа». Спи, говорю. А сам на крыльце подышу морозом, палец в сугроб воткну, оно и отпускает маленько.

А позавчера углядела. Я же дома кофту таскаю, китайскую. У ней рукава чуть не до колен, и не видно ладони-то. Но в храм же в этом не пойдешь. Вот я рубаху и надел — воскресенье, — а манжеты не могу застегнуть. Маринка, коза, подошла вроде помочь и увидела мой палец. Забегала-забегала, суетнаямышь. Не надо, кричу, мне твоего йоду, само пройдет! Будто в первый раз. Иди, говорю, в зад. А она мне тычет ватки свои. Тьфу, смотреть тяжело. С возрастом уж больно на мать стала похожа, дурында.

Ни черта, конечно, не помогли ее перевязки, Господи, прости. Вот она и выдумала везти меня в Чкаловск, в больницу. Танечке пожаловалась еще. Та взялась звонить, упрашивать: «Папочка, съезди взад-назад». Полдня меня в два голоса обрабатывали: съезди да съезди. Вот как бывает, а, что от двух разных мамок девки дружнее, чем иной раз от одной. Шут с ними. Хотя, конечно, ненужное это дело, больницы эти... Клава там лежала, и ты тоже. Помогли они вам, что ли?

Получается, две недели назад я ее поймал, эту занозу. Или три? Нет, тогда уже пост начался. Значит, две. У четвертого с изнанки рассохлась доска, прямо в углу. Полез сработать и как укололся. Пробовал сам достать, а глаза-то не видят, вот и плюнул. Все одно помирать. Тут и четвертый пригодится.

По осени, когда ходил запасать дрова для прихода, наш отец Александр сказал: «Нету слов никаких, чтобы отблагодарить тебя, Игорь. Такой ты славный алтарник, такой труженик. Обещаю, как помрешь, похороним мы тебя, аки диакона». Да, так и сказал. Ну я ему и доложил про все свои смертные приготовления.

А чего? Девкам разве доверишь? Танечка еще кое-как успевает подать обед к часу, но вечно покупает не тот кефир. А Маринка то картошку мелко крошит в суп, то в стирку бахнет эту дрянь свою вонючую. Как оно? Освежитель, не освежитель? Сто раз говорил, что руки отрублю, если она еще раз. У себя пусть что хочет творит, а в моем доме — мой порядок. Тяжко без тебя, конечно. Ты-то знала, что каждой вещи — свое место.

Они так по две недели и дежурят у меня, как на вахту ездят, курицы. Когда им надоест? Я-то не больно их баловал своей опекой. «Мы же помочь хотим». А мне от них дел только прибывает: тряпки свои разложат по всему дому, повезут хлама всякого, тапки-шапки, бардак один. А сами путем ни прополоть, ни полить, ни снег зимой почистить. Толку мотаться, если все через одно место. Сидели бы в городе с детьми, чего со мной нянькаться? Привыкнут еще, реветь потом будут, дуры. Мне-то уже ждать нечего, я давно готов.

Ты и не знала, но свой первый гроб я состряпал, как мне сорок стукнуло. В сарайке при ангарах. Отец мой в сорок два помер, вот и я, мало ли чего. Такая кривая домовина вышла, и вспомнить стыдно. Я ж только по мальству плотничал и еще немного, когда строились с Клавой здесь, позабыл все дела. Десяти лет не прошло, как гроб выгнулся, щелястый стал, я его порубил и на баню снес.

Второй вышел получше немного, но я его по недосмотру оставил стоймя на год или два, прямо на голой земле, и он плесенью порос почти наполовину. Это мне уже было пятьдесят шесть.

Третий гроб вышел просто замечательный. Хохма с ним была, я чуть на месте не помер. Жара стояла, работу свою в ангарах я еще не закончил, да и есть не хотел. Решил не мотаться туда-сюда домой на обед. Хоть и на велосипеде, но шесть километров по солнышку — не хрен собачий, прости, Господи. Зашел в сарай дух перевести, достал с полатей этот гроб, лег в него, так, чисто прикинуть, да и уснул. Маринка разбудила. Стоит, орет, на полу суп и стекла: банку раскокала, дурища. Я ее неслабо за космы оттаскал, никому, коза, так и не рассказала, как папку видала в гробу.

А с шестидесяти лет я что-то вширь пошел, побоялся, что в нужный момент не помещусь, куда надо. Так и пришлось делать четвертый, на вырост. Времени как раз прибавилось, и прятаться больше не от кого: ты слегла уже, девки разъехались. Сделал в гараже козлы специальные для него, поставил. Время есть — выглаживаю шкуркой, чтобы ни сучка. Думал даже резьбу добавить, но тебя не стало, теперь уж боязно не успеть все к сроку закончить.

Остальное тоже готово. Все, как говорится, схвачено. Сряду, саван, крупу на кутью и второе горячее, водку хорошую и кое-какие деньги я отцу Александру передал. Теперь только молиться об отпущении грехов и Царствии Небесном.

Все должно быть не так!

Погубили. Сволочи.

Если бы я... Ни за что бы.

Палец этот. Из-за такой хреновины.

А я говорил. Это рассадник заразы. Это ад. Привезла меня: «Придется полежать пару деньков, отец». Я только потому не сбежал, что врач этот, очкастый. Он один приходил, зыркал, как сыч, злобный. Сказал, отпустит хоть щас. Только надо палец отрезать. Но, говорит, вы, дедушка, наркоз не переживете. А я здесь помирать не собираюсь! Лечите, говорю. Вылечили, суки.

Одно вылечили, другое...

Чахоточный мужичок, скотина. Заразил. Дрянь эта, из новостей, етить ее в душу, Господи, прости.

Неделю лежу, а их все увозят и увозят. Куда, вашу Машу? Вперемешку уже и мужики, и бабы. Тетка в халате. Как садится на судно, титьки наружу. Какая дрянь. Так орала, что не хочет в закрытом казенном гробу. И заочное отпевание. Орала-орала, пока задохаться не начала. Вчера ее переодели наконец-то, увезли.

Как так — в казенном гробу? Что за дела? Заочное. Меня мертвого во храм не пустят, что ли?

Суки, суки, твари поганые.

Я же почти дошел! По стене, по стене. А на посту мальчишка. Схватил меня, как поросенка, под кадык. Сзади кто-то прямо через гамаши засадил мне в мышцу — и темнота. Скоты.

Звонил отцу Александру. Соборовать меня. Да за любые деньги. С пенсии отложено. А он? В соседней области. У них там иерей почил, его послали. До весны, говорит. До весны.

А сряда моя? Саван вышитый... Крупа.

Сбрили бороду, твари. Какой дьякон без бороды? Вертелся, хотел этому мальчишке — санитар, что ли? — садануть в ухо. Маску сорвал. Он вышел, но вернулся, с подмогой.

Телефон забрали. Сказали, переводят. Куда, черти? Последний раз дайте. Дайте последний звонок. Сестричка, кругленькая. Как ты до болезни. Пожалела: «Пять минут, не больше». Мне и одной довольно.

Забери ты меня, сука поганая. Какая ты мне дочь? Все не так. Я давно все решил. Четвертый. Четвертый! Ты слышишь меня? Я же приготовился ко всему. Я готов, но не так, понимаешь? Ни хрена ты не понимаешь. Таню дай! Дай Таню!

Таня, Танечка, нельзя так. Дома, должен дома. Дома, аки дьякона. Меня. Я.

Нет здесь меня больше. Закопали, слава Господу, и расходитесь, чего паяльться на кучу земли?

Скажи, а, Гришка на колокольне постарался? Звонил и правда как по диакону. Все одно жаль четвертого. Они ж его выкинут, дурехи, или приспособят под свой хлам. Хотя да, правда твоя, какая уж теперь разнища. Банки с компотом сложат в него и пусть себе радуются, козы, лишь бы в дело.

Когда тебя хоронили, тоже все собрались. И Маринкины девчонки. Лет двадцать не видел. Обе уже мужние женщины, да. Старшая-то вообще вылитая Клава, вторая — тоже Танечка. Сели мы, как сейчас с тобой. Я и думаю: старый, пока внучки слушают, скажи что-нибудь путное, а то чего им вспоминать о тебе останется?

«Ну», — говорю. И ничего дальше на ум не идет.

А они молчат, неловко им со стариком на поминках.

Зацепился глазом за твой портрет под иконами и вспомнил, что ты мне сказала тогда. Когда я покаялся на Страстной, что никак полюбить тебя не могу. Так полюбить, как первую жену свою.

Ты ответила, что любовь — не главное. В первую голову между близкими идут уважение и честность. И что, если не любишь, но не лжешь притом, нет за тобой греха.

Вспомнил это тогда и повторил девочкам слово в слово.

Да знаю я, что дурак.

